

УДК 3316.34:159.923

ББК 85.5

О – 34

Овсянникова Т.А., МГТУ, г. Майкоп

ЛИЧНОСТЬ КАК ФЕНОМЕН СОЦИАЛЬНО ОСМЫСЛЕННОГО БЫТИЯ

В общественных науках возрос интерес к теоретическому осмыслению проблем изменения и реформирования общества как целостной и сложной системы. Осмысление субъективного, национального, социального позволяет выявлять источники социальных преобразований и творческих сил в историческом развитии. Понятие идентичности, которое отражает защиту личного, соответствие образа «Я» его жизненно-му воплощению, состояние принадлежности индивида некоторому надиндивидуально-му целому, охватывающему и личную деятельность, и национальную культуру, стало одной из главных тем в общественной мысли XX столетия.

Социально-исторические обстоятельства XX века радикально проблематизировали бытие личности. Мировые войны, ГУЛАГ и Холокост оказались свидетельством самообмана многих людей и культур, поскольку показали, что такие личностные достоинства, как автономность и приверженность ценностям, искренность и интегрированность, сами по себе недостаточны, чтобы предотвращать зло.

Одной из доминирующих тенденций XX века стало осознание краха "законодательного разума" (З. Бауман) перед лицом непредсказуемости исторических сдвигов и глубины экзистенциальных потрясений. Так, все более сложным становится процесс присвоения личностью своего прошлого, отчленения в нем того, что имеет отношение только к ней и для нее существенно. Структуры прошлого опыта, стремительно устаревающая, либо представляются чужими и непонятными, либо становятся шорами, препятствующими постижению глубины перемен. Современные средства видеокommunikации, став чуть ли не ключевым звеном повседневной жизни, размывают границу между внутренним и внешним в жизни человека, лишают защищенности его приватную жизнь.

В то же время, нарастание объема инноваций не рождает у большинства людей ощущения движения вперед к какой-то цели. Напротив, характерны чувства истощенности всех ходов общественного развития, смыслов персонального движения. Как заметил Ж. Бодрийяр, мы сталкиваемся сегодня с "адам того же самого". Анализируя эксперименты генетиков и биотехнологов, связанные с клонированием, мыслитель заявляет: "Сегодня субъект - больше не один, и не другой, он просто тот же самый". Но в известном смысле и сама культура становится беззащитной перед тенденциями социального клонирования, т.е. десубъективизации и обезличивания. В ней, кажется, исчерпан арсенал тех средств и приемов, с помощью которых один человек способен отличиться от других. Тем самым, под угрозой оказываются разнообразие и уникальность - фундаментальные завоевания культуры. Даже творческим людям не дано сегодня пестовать свою уникальность. Утомительная повторяемость жизни, истощенность всех возможных культурных приемов и ходов ставит всякую личность перед лицом "ада того же самого". И никому не ведомо, будет ли найден выход.

Снизилась объединяющая роль идеологий, мировых религий. Кризис национального и культурного самоопределения усиливает неуверенность и дезориентированность людей, оборачивается сомнениями в том, насколько они способны держать в руках собственную судьбу. Одна из наиболее тревожащих черт современности состоит в том, что в мире царят идеологии отчуждения и потребления, что внутри почти каждой страны нарастает неравенство между людьми. "Разновременность", расколотость на части разной степени развитости, разнонаправленность существования становятся свойственными не только миру, отдельным странам, но и почти каждому из наших современников. Активно происходящее сегодня заимствование западного стандарта жизни и сопутствующего ему потребительского гедонизма как главного способа индивидуального самоутверждения только усугубляет ситуацию. Парадоксально, что усилению неравенства способствуют и наука и философия.

Зародившись как демократические по своим установкам познавательные феномены, они пришли к такому характеру теоретической деятельности, который обернулся законодательными функциями по отношению к миру человеческой повседневности. Коллизии между повседневностью, жизненным миром и притязаниями научной рациональности, обозначившись на рубеже XIX и XX веков, составили одну из доминирующих тенденций века XX-го.

Самотождественность личности тем более проблематизируется, чем менее надежными начинают казаться старые способы ее обретения. Социальные и исторические изменения определяют проблемы, которые возникают перед "Я", а также задают ресурсы, приемлемые и пригодные для их решения. Однако, особенностью социальных процессов, происходящих в последние десятилетия, является то, что они радикально изменили прежнюю систему социальных значений и персональных смыслов, не задав в то же время ясных ориентиров для поиска новой системы. Констатации утраты "Я", смысла существования, ощущения укорененности в бытии составляют, по сути, общее место в большинстве описаний современной ситуации, касаются они западного, "третьего" или российского миров. Эти обстоятельства обозначены как "кризис персональной идентичности", который понимается как одна из характеристик современности, настолько фундаментальная, что, по словам В. Хесле, "всякий, кто хочет понять современный мир, едва ли достигнет своей цели, не постигнув логики кризиса идентичности". Изменившиеся социокультурные обстоятельства делают насущным обоснование вариантов и возможностей персональной идентификации в условиях кризиса универсалистских мировоззрений. Возникает необходимость теоретического осмысления причин кризиса мировоззрений, тех путей самоопределения человека, которые они предполагали, а также попыток осмыслить иные возможные варианты поиска и обретения персональной идентичности.

Философия XX века на реальную опасность деперсонализирующих процессов современного общества отвечала нарастанием авторского присутствия в произведениях, сосредоточением на личностной модальности бытия человека. Констатируемый радикальными критиками крах ряда ключевых понятий метафизики Нового времени усиливает необходимость разработки новых модусов философствования. В наши дни многие трезвомыслящие исследователи усматривают тесную связь между разрешением фундаментальных философских проблем и нахождением диагностических ключей к природе социальных, экономических, культурных, этических и научных реальностей.

Проблема идентичности личности становится средоточием социально-философского анализа современной ситуации человека, по меньшей мере, в трех отношениях. Во-первых, уже неоднократно отмечалась такая существенная характеристика современности, как беспрецедентное давление на человека детерминирующих воздействий двоякого рода: внешних (космических, экологических, социальных и пр.) и внутренних (бессознательных влечений, неконтролируемых импульсов и т.п.). Отсюда возникает резонный вопрос: не является ли антропологическая ориентированность философии, многими квалифицируемая как самое значительное ее завоевание последнего столетия, видом мыслительного лукавства или проявлением аберрации философского видения действительности? А если все же сохранять человеческого субъекта в качестве основания философских построений, то необходимо проанализировать, "чем" в себе ему удастся сопротивляться такому двойному прессу, препятствуя собственному превращению в функцию от обстоятельств собственной жизни, в совокупность исполняемых им ролей? Иначе говоря, за счет чего в себе ему удастся оставаться не только "чем-то", но и "кем-то"? Можно предположить, что началом, конституирующим "кто-то" человека является его дискурсивная деятельность и функционирование в составе intersубъективной общности, в особенности в тех вариантах межличностных отношений, которые свободны от расчета - дружбе, любви, родительской и сыновней заботе.

Во-вторых, особенностью обсуждения проблемы "человек и время" в наши дни является сложность отделения того, что является общими чертами любой человеческой ситуации на этом свете, во все времена, и что специфично лишь для современности. Скажем, острое недовольство жизнью и самими собой - в какой мере это продиктовано нашим временем, а в какой - свойственно всем людям нашего века? Трагический опыт мировой истории XX века, обнаружив пределы пластичности человеческой природы и показав, что есть ситуации, исключаяющие в результате проживания их людьми какой-либо позитивный опыт, по-

ставил под вопрос универсальные закономерности развития человека. Что есть норма, что - патология, где мерило - мы вряд ли найдем сейчас определенный ответ на этот вопрос. И тем не менее большинство современников не складывают в отчаянии от этой "пост-исторической" безысходности на груди руки, а пытаются изменить свою ситуацию и самих себя, поскольку уверены, что то, какими они существуют, - "досадное "не то". По словам С. Хоружего, представление о том, по сравнению с чем - "не то", может быть самым различным, но берет свое начало в самих условиях человеческого существования. В то же время "активистский" образ человека-победителя, покоряющего обстоятельства, подчиняющего все и вся, включая самого себя, своей железной воле, также уступает место более реалистическому образу человека, претерпевающего лишения и унижения, бессилие и крушения, словом, образу человека не только действующего, но и страдающего. Коллизии между детерминированностью и автономностью субъекта, степенью и характером его вписанности в реальность и противостояния ей стали ключевым предметом обсуждения как классически ориентированных мыслителей, так и авторов постмодернистской ориентации. Поэтому представляется оправданным рассматривать проблему персональной идентичности сквозь призму противостояния модернистской и постмодернистской парадигм. Последняя, при некоторой экстравагантности постановки проблем, правомерно проблематизирует те образы субъекта и те представления западной цивилизации о самой себе, которые философией модерности были универсализированы и представлены как "то", пригодное для всех и повсюду.

В-третьих, если человек не приемлет себя, то это значит, что он желает развить свою самость, ощущая, что он не дотягивает до того идеального образа себя, который ему задается культурой. Этот образ складывается на основе сопоставления его с нормативным образом личности и с ценностями, которые в данную эпоху доминируют. Что касается ценностей, то здесь существенно следующее. В. Хесле подчеркивает два условия, которым должен отвечать разумный нормативный образ самости: не противоречить универсальным нормам и ценностям и строиться на адекватной самооценке. Мыслитель предусматривает и такой вариант искажений формирования самости, или кризиса идентичности, когда суть дела заключается не в несоответствии поведения индивида всеобщим нормам, а в осознании им ошибочности этих всеобщих норм. Сдается, что это обстоятельство во все увеличивающейся степени начинает проявляться в процессах идентификации, как и в целом определения ситуации современности. Наиболее распространенными здесь являются констатации кризиса универсалистских мировоззрений, и прежде всего универсалистских притязаний европейской цивилизации, и, соответственно, свойственной ей системе ценностей.

Такого рода универсалистские мировоззрения, будь они идеологического, метафизического или религиозного плана, большее отношение имеют к коллективным идентичностям, отражая их максимально чистым и непротиворечивым образом. Но, как отмечается сегодня рядом исследователей, их сила и влияние определялись не столько истиной, которую они в себе несли, сколько аутентичностью стилей жизни, которые они предлагали, воплотившая и ответы на коренные этические вопросы, и жизненные сценарии. Так, в нашей стране в период тотальной индоктринации господствующее мировоззрение предлагало достаточно согласованные ответы на коренные этические вопросы и было источником всеобщих, как казалось, норм, и надежным основанием "советской" идентичности. Жизненный проект, предлагаемый официальным мировоззрением, предполагал преданность общему делу, примат общественного перед личным, "идейность". Теперь же не только добросовестный труд "на благо" стал неаутентичным, но складывается впечатление, что сейчас почти невозможно следовать какому-то одному стилю жизни. В то же время если большинством людей обнаруживается, что исповедуемое ими мировоззрение было неверным, то это не значит, что бессмыслен поиск какой-то другой смысловой опоры. Остается искать другое мировоззрение, что и происходит, к примеру, в обращении к христианству из соображений от противного. Иными словами, прежней остается человеческая жажда найти такую историю, в которую бы непротиворечиво вписывалась собственная история данного человека.

Аналогично дело обстоит и с нормативным образом личности, из сопоставления с которым себя личность строит нормативный образ самости. Это может быть сопоставление с об-

разом Личности, только раз в истории человечества явленной во плоти. Это может быть сопоставление с образом Прометея или Данко, героями Арнольда Шварцнеггера или стремление обрести всего лишь запоминающийся имидж. Но каким же образом в реальности личности задается этот реестр идеальных "я", эти нормативные образы самости? Акцент, который делается в данном исследовании, заключается в том, что одним из главных путей трансляции таких нормативов самости являются влиятельные в данной культуре истории. Главными героями этих историй и являются привлекающие человека личностные образцы, будь это Христос, или пролетарий, которому нечего терять, кроме своих цепей. В этом ракурсе интерсубъективность фигурирует как набор историй, которые ребенку рассказываются в детстве, которые он узнает в ходе социализации, а впоследствии задающих характер его самопонимания.

Проблема персональной идентичности, составляя одну из фундаментальных проблем философии, тесно связана с жизнью каждого из людей. Практическая значимость осмысления возможных вариантов ее решения усугубляется характером в современном обществе духовной и душевной жизни. Тоска по человечески значимым целям и смыслам сочетается сегодня с психологической расколотостью большинства людей. Одна из сложностей постсоветского этапа развития состоит в том, что многие люди скорее уходят от решения проблемы собственного переопределения, удовлетворяются стихийно-адаптивными реакциями на радикальные перемены, не пытаясь овладеть собственной жизненной ситуацией. Решение проблем национальной или гражданской идентичности, так же остро стоящих сегодня, тесно связано с тем, насколько отрефлектирован личностный поиск себя, насколько он стимулируется социумом, насколько проработана проблематика персональной идентичности.

Литература

1. Бауман З. Мыслить социологически. – М.: Аспект Пресс, 1996.
2. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции // Философия эпохи постмодерна. – Минск, 1996.